

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
ПРАВЫ

«ХЛЕБА
И ЗРЕЛИЩ!»

Жестокие нравы

Надежда Нелидова

Хлеба и зрелищ!

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Хлеба и зрелищ! / Н. Нелидова — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого», — (Жестокие нравы)

Кто-то сравнил раскрученных писателей со свинтусами, пробившимися к корыту. Места у кормушки мало. Свинтусы жрут, чавкая и давясь, толкаются, довольно хрюкают, презрительно поглядывая маленькими свинячьими глазками на тощих неудачливых собратьев по перу. Им не досталось места у кормушки... Это о писателях. Журналисты делятся на тех, кто чистит авгиевы конюшни – и на тех, кто из этих конюшен выезжает, гарцуя, на гламурном коне. Не факт, что на белом.

Содержание

ПРОВИНЦИЯ И ТОК-ШОК «ЧУЖОЕ ГРЯЗНОЕ БЕЛЬЁ»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Надежда Нелидова

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!

ПРОВИНЦИЯ И ТОК-ШОК

«ЧУЖОЕ ГЯЗНОЕ БЕЛЬЁ»

Оставшись одни, мужчины говорят о политике, спорте, автомобилях и женщинах. Женщины между собой говорят о детях, нарядах, косметике и мужчинах. И на этот раз женский коллектив, скопом отмечающий дни рождения февральских и мартовских офисных «рыбок», не был исключением. Разговор зашёл о статьях, по которым мужчины бесспорно проигрывают женщинам.

Женщины полезнее: они могут родить без мужчин, а мужчины – фигурки. Женщины сильнее: устойчивы к стрессам и живут дольше. Они красивее и умнее: общеизвестно, что самая тупая блондинка не выберет мужчину только потому, что у него стройные ножки, тогда как мужчины делают это сплошь и рядом. Женщины романтичнее и возвышеннее в любви... Вот тут единый фронт раскололся.

Офисный психолог Олечка вступилась за мужчин: они по-настоящему страдают и кончают с собой от несчастной любви, тогда как женщины ломают комедию. Ополовинят блистер снотворного или глотнут предусмотрительно разведённого уксуса, а рядом наготове телефон – звонить в неотложку. Артистки. Женщины более материальны, приземлены, меркантильны...

Может, и материальные, может, и приземлённые, соглашался коллектив. Но есть, есть в мужской половине гадкая черта, перечёркивающая прочие достоинства: отдельные мужчинки страшные болтуны. Всегда найдётся в их стаде паршивая овца, которую хлебом не корми – дай потрепаться о похождениях по женщинам. Красуются как распушившие хвост павлины – а дружки подзадоривают, подначивают... Чего, к примеру, ни одна самая роковая красавица, безглаголющая мужчин как использованные перчатки, себе не позволит.

Менеджер по рекламе Елена (в офисе её называют Елена Прекрасная) слушает, снисходительная улыбка чуть приподнимает уголки ярких губ. Ей бы самой сниматься в рекламе: а сама-то величава, выступает, словно пава... Безмятежная ясность и покойная, царственная уверенность во всём – в лице, статной осанке, речи, манерах. Назвать бы её роковой красавицей – но у Елены дружная семья: муж, влюблённый как мальчик, трое детей. Старшая готовится в институт, младшие близняшки ходят в школу.

– Пока одни мужчины *об этом* болтают, другие *это* делают, – с намёком лукаво говорит она.

– Ну, твой-то, ясно, относится ко вторым! – интересно, что эта всеведущая Олечка имеет в виду? Только сейчас все замечают туго обтянутый нарядным шёлком Еленин выпуклый животик. И что у Елены весь вечер вместо шампанского в бокале – сок. И бросаются с восторженным визгом, поздравлениями, поцелуями, объятиями (осторожными). «Елен, сколько недель? Елен, кто: мальчик, девочка?»

А я вспоминаю совсем другое время, совсем другую девочку, горько плачущую в редакции. Мода на психологов тогда ещё не пришла, и редакция была для людей всем: жалобной книгой, жилеткой для плача, третейским судьёй. Да едва ли не Господом Богом была, на которого последняя надежда.

Я, корреспондент отдела писем, не поспевая шариковой ручкой, записывала за грозящей затопить кабинет слезами юной посетительницей Алёной её историю. Диктофон тогда был

один на всю редакцию и хранился у Главного в сейфе, на «самый-самый». Алёнка на самый-самый случай явно не тянула...

В этом месте нажмём «паузу» и перенесёмся в наши дни.

Чтобы раз и навсегда отбить охоту смотреть телешоу «Чужое грязное бельё», достаточно включить его на три минуты. Мат, ор, визг, сцепившиеся и катающиеся по полу тела, кровь и сопли на кулак, скоморошье бряканье на колени: «Люди добрые, помогите!» Ведущий носится, как бес вокруг сковородки, подбрасывая угольков в тех местах, где, по его мнению, не достаточно жарко.

Но позвонила подруга: «Включи телевизор. На этот раз «Чужое грязное бельё» по мерзости переплюнуло самоё себя».

Суть такова. У девушки Саши был парень Филипп, она проводила его в армию и скоро поняла, что беременна. Шушукающий посёлок едва дождался Филю из армии, горели языки: пока ты долг Родине отдавал – твоя-то и с Колькой, и с Толькой... Ну, невыносимо скучно людям: пусто в сердце, пусто в душе – нечем больше заняться.

Филя, под давлением общественности, отрёкся от детей-близняшек. Саша с мамой два года одни поднимали малышей. Саша узнала, что в передаче «Чужое грязное бельё» бесплатно (а у одиноких мам в нашей стране каждая копейка на счету) тестируют на ДНК, устанавливают отцовство – и доверчиво поехала в Москву.

Она была на грани обморока, когда получила отрицательный результат. Думала, что ошибка, умоляла провести повторный тест. Ну, тут ведущий порезвился вволю: проехался и насчёт Кольки, и насчёт Тольки. Предложил взять пробы у всей мужской части посёлка, а заодно и у присутствующих в студии мужчин. Задал происходящему игривый, пакостный тон, дал команду: терзать можно!

Второй тест на ДНК установил настоящего отца. Но Саша в слезах выбежала из студии: это был семейный человек, и она не хотела его подставлять. На последней встрече Саша всё же решилась открыть его имя. Им отказался... Филин самый близкий дружба Вова.

Финал таков. Горе-папаша Вова позорно бормочет, что «он не помнит, мало ли на кого залезал» и «типа сучка не захочет – кобель не вскочит». Филя обнимается с лучшим дружба-ном Вовой, который наставил ему развесистые олени рога. Свою первую любовь, глумливо ухмыляясь, объявляет на всю страну шалавой. Это после того, как Саша сто раз покаялась перед Филей и даже – о, как забиты в России женщины! – перед отцом близняшек Вовой.

На три вечера главный канал страны превратился во всероссийскую бабскую завалинку, жадно сплетничающую, перебивающую косточки, ставящую клейма и мажущие дёгтем ворота молодой матери. Три вечера телевидение усердно попирало Христовы слова: «Кто без греха – бросьте в неё камень».

Телевизионная аудитория – безгрешная, целомудренная, непорочная, светящаяся от святости так, что хоть солнцезащитные очки надевай – за 500 рублей (или сколько им дают за массовку?) забрасывала камнями, клевала и щедро поливала грязью героиню. Возможно, кто-то заступался – но без микрофона их голоса не были слышны. Виновица только прятала лицо, вздрагивала, сжималась под градом камней и умоляла свою мать: «Мама, не надо! Мама, не связывайся с ними!»

Кстати, давно в стенах этой студии не наблюдалось таких искренних страданий, как у Саши. Обычно тут расшепериваются хабалки и халды, семиэтажным матом и обещанием заехать кулаком в морду быстро ставящие аудиторию на место. Таких здесь, по законам зоны, уважают и побаиваются. (Одной девахе, чью речь пришлось запикивать с первого до последнего слова, порывающейся вцепиться в волосы сопернице, известная теледиктор подбостранно сказала: «Танечка, вы очень воинственная...»)

Когда в улюлюкающей толпе находились люди и защищали девушку, ведущий (нимб над головой и бугорки ангельских крылышек под пиджаком Дольче Габбана) фурией набрасывался на «грешницу», с удовольствием повторяя как заезженная пластинка: «Нагуляла? Нагуляла?» Это про молодую мать, воспитывающую очаровательных, прехорошеньких – дай им Бог здоровья – близнецов.

Да не нагулянные они, а рождённые – завидно, что у самого таких нет?

Обколотые и нанюханные клиентки столичных клубов, имеющие за одну ночь в клубных туалетах по пять партнёров, давно и безвозвратно лишены радостей материнства. Про головокружительные карьеры с широко раздвинутыми ногами на кабинетных столах (у женщин) и широко разведёнными ягодицами (у мужчин), про садо-мазо, гетерофилию и прочее – об этом, Саша, вам и вовсе знать не надобно. Вы слишком чисты, чтобы пачкаться об эту гламурную бяку.

Перед светской тусовкой и фанерной попсой здесь, лебезя, бьют хвостом.

В «Чужое грязное бельё» заманивают, в основном, наивных провинциалов. Обещают за это суммы – смешные для Москвы и неслыханно щедрые для провинции. Кому-то на несколько ящиков водки, кому-то детишкам на молочишко, кому-то – на тест на ДНК. Несчастливая спивающаяся российская глубинка, со своими бедами и пороками, выставлена на глумление и потеху, как зверь в зверинце. Сытая публика в первом ряду – жюри, из приличия пытается притушить излучающие удовольствие лица (на фоне бедолаг так выгодно, контрастно смотрятся они сами: жизнь удалась!)

Много нравственных уродов сиживало на потёртых диванчиках – как после них сюда не брезгают сесть приличные люди? Много, из белого превращённого в чёрное, из чёрного – в белое – перевидали стены этой студии. И как за удушение новорождённого родителям-убийцам сулили благоустроенную квартиру, и как обещали не лишать родительских прав алкашей – мать и отца сгоревших малышей. Как прямо в зале организовывали сбор денег для бедненьких трансвеститов на перемену пола. Как сюсюкали и кудахтали над здоровенным детиной, избившим учителя до сотрясения мозга: «Ах, бедненький ребёнок, ах его права!»

Пока же зрители наблюдали, как от передачи к передаче менялась Саша. На первой встрече – красотка, каких поискать. И на последней передаче – она же: уронив повинную голову, затравленная, похудевшая, совершенно павшая духом, с заострившимся носиком – что называется, сошла с лица, с огромными страдающими глазами. Вот примерно так расчётливо и холодно можно вырывать из груди чужое сердце и с тупым любопытством рассматривать, как оно, живое, бьётся.

Происхождение человека связывают с обезьяной, собакой, свиньёй. Да не слушайте вы никого: поведение человеческой толпы ближе всего – к куриному. Затешись в куриный коллектив непохожая или ослабшая особь – ко-ко-ко, деловито делая вид, что исключительно заняты мирным поиском зёрнышек – курицы, походя, заживо оциплют и заклюют жертву до смерти.

Я не Галина Белозуб, которая и не в такой ситуации спокойно, объективно, профессионально разложит всё по полочкам и протянет палочку-выручалочку. И всё же попробую, как сумею, ободрить и дать Саше сумбурные, на эмоциях, советы: что бы я делала на её месте.

Приехала бы домой и крепко-прекрепко обняла счастье своё, чудо своё, дар судьбы – своих славных близнецов. Хотя нет – прежде бегом в ванную смыть, отодрать с себя столичную телевизионную въедливую, липкую шоу-грязь.

Во-вторых, как это ни трудно, уехала бы прочь из посёлка. Вам здесь не дадут жить и, пожалуй, в меру сил, по-соседски, по доброте сердечной, подгадят и вашим малышам. Бегите

от «подруг», которые, хихикая, делают ставки на вас – на живого человека, на прелестную молодую женщину и примерную мать – как на лошадь, – оценивая в бутылку шампанского.

Вам и вашей двоюродной сестрёнке никогда не простят вашей красоты и изыска. Отставьте доброжелательниц в их террариуме – пускай себе варятся в собственном яде.

То-то и тянули к такой красоте со всех сторон мохнатые загибающие лапы местные мужики. Хотя какие мужики? Бегающие глазёнки, голоса, от перевозбуждения похабно дающие петуха. Гадко ухмыляются, аж засалились. Подражая бывалым уркам, сплёвывают, кидают вслед смачные слова...

Бр-р, и вот с *этим* вы не брезговали ложиться в одну постель, вот *этим* дарили своё точёное тело – единственный изумлённый упрек вам, который я себе позволю?!

«Женщина, не имевшая в жизни любовника – не состоялась как женщина». Эти слова принадлежат классику современной литературы Виктории Токаревой. Боюсь – о, ужас! – она имела в виду и замуженных женщин.

Токарева для вас не авторитет? Тогда вот вам ещё известное лукавое изречение. Не ручаюсь за точность: *«Часто целомудрие, которыми кичатся женщины, напоминает шкатулку с сокровищами. Сокровища эти остались нетронутыми лишь потому, что не нашлось желающих ими овладеть»*.

Кто громче всех всегда кричал: «Позор»? Кто злорадно объявлял ведьмами и посылал на инквизиторские костры миниатюрных красоток, на которых заглядывались чужие мужья? Соседки с коренастыми фигурами 90х90х90. Вам ничего не напоминает жгучее желание современных местных дам перевязать красивым женщинам маточные трубы?

Героиня новеллы Кармен, с точки зрения «невостребованных шкатулок» – слабая на передок развратница, шлюха, каких свет не видал, проститутка, скачущая по постелям. Но вот темпераментной, страстной Кармен посвящены оперы и балет, её боготворят мужчины. Впрочем, Кармен – не Саша из провинции – не далась бы на съедение аудитории и быстро бы всех отбрила.

Я не защищаю порок. Я защищаю женскую красоту. Красавицам всегда труднее, чем дурнушкам (горе тем, через кого в мир входит соблазн).

Напрасно, Саша, вы поехали на это шоу. Но вы не пошли бы на тестирование, искренно, стопроцентно не будучи уверенной в результате... Боюсь, если организовать во всём мире тотальную проверку мужей на отцовство – последует такой страшный переполох, такой поднимется неслыханный бум семейных драм и трагедий, разоблачений, инфарктов, разводов, а то и смертоубийств, такая начнётся путаница и неразбериха в мировом масштабе – не приведи Господи. Давайте уж не открывать этот ящик Пандоры.

На этом я отпускаю кнопку «пауза» и возвращаюсь к прерванной истории.

...Итак, моя Алёнка на самый-самый случай явно не тянула. Деревенская девчонка, закончила педучилище. Отбарабанила в какой-то дыре три года по распределению. Родители поднатужились и купили дочке халупу на окраине города. Первым делом она пошла в горно на счёт работы. Работы не было: все школы плотно укомплектованы. Заглянула в милицию – нужно было забрать паспорт с отметкой о прописке.

И тут ей неслыханно повезло. Начальник отдела задержал взгляд на Алёнке: «Учительница? О, значит грамотная. Пойдёшь работать в нашу систему?» Подмигнул: «Соглашайся. Замуж выскочишь. А так глухо: у нас здесь второе Иваново – город одиноких учительниц».

Однажды сотрудник подвёл к её столу парня.

– Алёна Батьковна, замуж хочешь? Хороший человек! Понравилась ты ему: познакомь да познакомь.

Потом она подтрунит над своим возлюбленным: «А что, слабо было одному подойти? Друга для поддержки штанов с собой прихватил?» – «Считай, это был мой сват, – ответил он. – Ты поняла, насколько для меня это всё серьёзно?»

Первые поцелуи, первые объятия в закоулках вечерних пустынных милицейских коридоров. Алёнка пугливо отскакивала, при звуках чужих шагов... Кто-нибудь из инспекторов насмешливо оглядывал их: «Воркуете, голубки?» Он ждал её со службы, провожал до дома. А однажды остался до утра... Алёнка по телефону намекнула маме, что у неё появился парень: скоро быть свадьбе.

А потом... Потом она подслушала, как в соседнем кабинете её возлюбленный, окружённый людьми в погонах, рассказывает со вкусом, в подробностях, как Ленка ему отдаётся в постели. С какими восклицаниями, в каких позах: и так, и эдак – ах, чертовка! Люди в погонах одобрительно ржали.

Алёнка почувствовала, что умерла. С помертвелым лицом она прихватила пузырёк с химическими чернилами, вошла в ржущий кружок и вылила «жениху» на голову полный пузырёк. Потом вернулась и мёртвой рукой написала заявление об увольнении.

Прошёл год. Пришла новая весна, и Алёнка робко ожила. Она к тому времени устроилась делопроизводительницей в автопарке. Некий водитель Лёша через кумушек-друзей из милиции узнал, как «чертовка Ленка» хороша в постели, и не стал давать ей прохода. Как запищало его ущемлённое мужское самолюбие, когда Алёнка в резкой форме дала ему от ворот поворот!

– Ну, погоди, шлюшка, попомнишь у меня, – злобно пообещал Лёша. – Менту давала, а я, значит, рылом не вышел?

Алёнка не придавала значения его словам. До тех пор пока молодые водители, один за другим, не зачастили к ней с непристойными предложениями. «Ты чо, как не родная? Лёха говорит, ты из *таких*. За гаражами, говорит, с тобой перепихоном вовсю занимается».

Как рыдала за своим столом Алёнка! Вошла пожилая бухгалтерша. Выслушала икающую, бьющуюся в рыданиях, кричащую, что не хочет жить, девушку. Умыла её зарёванную мордаху, напоила чаем, расчесала и переплела растрепавшиеся косёнки. Алёнка по-детски уткнулась в мягкие тёплые колени бухгалтерши, и она баюкала её как маленькую.

– Я им у директора устрою разбор полётов, с записью в трудовую книжку. Они у меня лбищами-то перепихнутся. Про «не хочу жить» чтобы больше не заикалась. Всё у тебя будет в жизни хорошо и чисто, вот увидишь. И дом будет, и детки, и муж настоящий. А это ж не мужики, это... – она добавила грубое, обидное слово. – Пока одни мужики *об этом* болтают, другие *это*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.